

УДК 719:94(571.16)

DOI: 10.17223/22220836/27/10

А.А. Донцова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В 1920-е гг.: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

В статье рассматриваются работы, посвященные истории формирования системы охраны памятников в первые годы советской власти и ее специфике в разных регионах страны. Выделены и охарактеризованы три направления современных исследований – разработка советской законодательной базы в сфере охраны культурного наследия, специфика охранной деятельности по отношению к разным видам памятников и исторические реконструкции самого процесса становления памятникоохранительной деятельности. Подчеркивается доминирование локального уровня исторических реконструкций и их осуществление в контексте изучения музейной сети регионов.

Ключевые слова: становление советской системы охраны памятников, степень изученности проблемы, региональная специфика, Томская губерния.

Проблемы выявления, изучения, сохранения объектов культурного наследия и их государственной охраны, несмотря на длительный опыт разработки в этой сфере законодательных мер и их реализации, продолжают оставаться актуальными. Для более полного представления об истоках сложившейся системы памятникоохранительной деятельности, выявления в ней положительных моментов и недостатков и их учета при организации охраны памятников в современных реалиях полезен анализ предшествующего опыта. В данной статье будут рассмотрены работы, посвященные начальному периоду деятельности советского государства в области сохранения объектов культурного наследия¹.

Первые работы, в которых были подняты вопросы сохранения памятников искусства и старины и проблемы их музеефикации, принадлежат перу главным образом искусствоведов – И.Э. Грабаря, Ф.И. Шмита, А.М. Эфроса, А.А. Миллера.

Работа И.Э. Грабаря «Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины», вышедшая в 1919 г., в большей степени представляет собой практическое руководство по выявлению, отбору и сохранению объектов культурного наследия [1]. Автор отмечает, что данная работа ориентирована на ознакомление с охранной деятельностью «тех, кто в этом мало сведущ», а не на специалистов. Он кратко излагает базовые рекомендации по поводу того, какие объекты и каким образом необходимо охранять, что и как надлежит собирать и как организовать учет и хранение предметов.

Вместе с тем работа не лишена и теоретических сюжетов: автор обосновывает необходимость повсеместной организации охраны культурно-художественных памятников, исходя из роли культурной традиции

¹ Автор в данной статье допускает использование терминов «памятники искусства и старины» и «объекты культурного наследия» как синонимичные.

в развитии общества, включая и его переломные периоды. Он указывает, что значительные нововведения, наиболее глубокие изменения государственного строя и коренная ломка всей жизни достигают цели и долговечны только в том случае, если они принимают во внимание особенности и специфику культуры, сохраняют ее преемственность. И.Э. Грабарь классифицирует памятники и выделяет среди них «монументальные» и «предметы искусства и быта». Применительно к первым автор использует понятие «охранять», а ко вторым – «собирать», подчеркивая, что охрана монументальных памятников требует специальных технических знаний, а собирательство является гораздо более доступным и легко осуществимым занятием. Тем не менее автор разъясняет, что не всякое собрание вещей представляет собой музей, отмечая важность регистрации и инвентаризации объектов.

Работа Ф.И. Шмита носит теоретический характер [2]. В ней автор рассматривает историю термина «музей», приводит краткую историю музейного дела, поднимает теоретические вопросы и аспекты организации музейного дела, сохраняющие актуальность и для XXI в. Автор поднимает вопрос о необходимости разработки государственной музейной политики и при этом рассматривает музейную деятельность как средство сохранения культурных ценностей. Он отмечает, что государство должно взять на себя важную функцию – обоснованного распределения ценностей по музеям с учетом потребностей учебных заведений, местного населения и имеющихся помещений. Ф.И. Шмит указывает на важность музейного законодательства и предлагает структуру для создания централизованной системы по охране памятников: центральная коллегия, которой подчиняются губернские, а им, в свою очередь, уездные коллегии. Он поднимает и деликатную проблему «реквизирования» ценностей у населения, его допустимости, законодательной обоснованности. Автор предлагает отдавать ее решение на усмотрение специалистов в сфере музейного дела и обращается к международному опыту. Он приводит в пример Францию и Италию, где решение об изъятии ценностей у частных лиц и объявление их «национальными памятниками» принимают не отдельные личности, а музейное ведомство в лице Комиссии национальных памятников. Эта же Комиссия следит за внутренней и внешней торговлей памятниками искусства и старины.

К вопросу о необходимости национализации культурных ценностей и их учета в 1924 г. обращается и А.М. Эфрос [3]. Он отмечает, что для сохранения имеющихся ценностей в первые годы советской власти актуальной являлась задача разработки и принятия государственных законов, регулирующих сферу охраны памятников, поскольку в предшествующий период они отсутствовали. Вместе с тем автор не сводит всю совокупность ценностей к хранящимся в музеях и указывает, что если первоначально политика Музейного отдела – центрального органа в сфере музейного дела – сводилась к учету всех имеющихся ценностей, то в дальнейшем сохранению стали подлежать только ценности исключительно музейного значения.

А.А. Миллер затрагивает проблемы в организации охраны особого вида памятников культуры – археологических памятников [4]. Он обозначает несколько причин разрушения археологических объектов, характерных для второй половины 1920-х гг.: параллелизм в работе строительных организа-

ций и органов по охране памятников, отсутствие специалистов, умеющих правильно проводить археологические раскопки, разграбление и разрушение археологических памятников местным населением в связи с хозяйственными потребностями. Он отмечает, что в конце 1920-х гг. несмотря на запрительные постановления ситуация не только не улучшается, а продолжает усугубляться.

Таким образом, в 1920-е гг. параллельно с процессом становления советской системы охраны памятников культуры шел процесс его осмысления, а авангарде которого находилась творческая интеллигенция. Основное внимание было сосредоточено на обосновании необходимости создания государственной системы охраны, выработки государственного законодательства в этой сфере, трактовки музейной деятельности как важнейшего механизма памятникоохранительной деятельности. При этом подчеркивалось значение культурного наследия как базы для построения нового общества. Наблюдались попытки содержательного осмысления самого понятия памятника культуры.

После 1-го Всероссийского музейного съезда, состоявшегося в 1930 г. и закрепившего представление о музеях как о политико-просветительных, а не научных учреждениях, отношение к памятникам и объектам культурного наследия разительно изменилось. В этом же 1930 г. было упразднено Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука) и управление музеями перешло к сектору науки при Наркомате просвещения. Сектор науки действовал только до 1932 г., а в 1933 г. при Наркомате просвещения возник музейный отдел как главный управленческий орган в этой сфере. Сворачивание научной деятельности способствовало консервации проблемы памятникоохранительной деятельности и в публикационном аспекте. В выходящих в свет работах последующих трех десятилетий внимание авторов, как правило, было обращено к анализу эффективности законодательной базы, разработанной в первые годы советской власти, и деятельности памятникоохранительных органов. При этом нарастает идеологизация исследовательских оценок, они лишены критической составляющей.

В 1930–1940-е гг. к означенным проблемам обращались Н.Р. Левинсон и Ю.А. Оснос.

Н.Р. Левинсон в своей статье рассматривает основные декреты и постановления, принятие государством с целью охраны памятников, приводит сведения о деятельности экспедиций в разных регионах страны, организованных с целью выявления и взятия на учет особо ценных памятников [5]. Вся памятникоохранительная деятельность оценивается автором в ключе нового отношения государства к культурным ценностям, т. е. с точки зрения их важности для пропаганды идеалов нового общественного строя. Автор позитивно относится даже к деструктуризации органов, призванных реализовывать памятникоохранную политику, – реорганизации Главмузея в Главнауку и выдвигению на первое место идеологических функций.

Ю.А. Оснос воссоздает процесс формирования системы государственной охраны памятников истории и культуры в РСФСР на примере организации

охраны художественных ценностей в первые послереволюционные годы в Москве и Петрограде [6].

В 1950-е гг. при сохраняющейся идеологизации исследовательских оценок расширяется источниковая база, вводится новый фактический материал о деятельности по охране культурного наследия в первые десятилетия советской власти.

Статья В.К. Гарданова отличается высокой степенью идеологизации [7]. В ней автор планомерно обосновывает выдающееся значение В.И. Ленина, коммунистической партии и советского правительства в процессе создания новой советской культуры. По его мнению, в первые годы советской власти была создана стройная и всеобъемлющая система охраны памятников, а музеи стали «подлинными очагами просвещения трудящихся масс» [7. С. 8–9]. В.К. Гарданов дает высокую оценку проведенной национализации дворцовых и частных собраний, исходя исключительно из тезиса о служении искусства народу. Высоко оценивает значение первых советских декретов в деле сохранения памятников культуры. В позитивном ключе описывает деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии и всех «сознательных советских граждан, которые стали оказывать местным ЧК активную помощь» в борьбе с хищениями народного достояния [7. С. 18]. Подчеркивается забота о культурных ценностях, проявленная «со стороны командного состава бойцов Красной армии», которые занимались эвакуацией музейных ценностей из национализированных помещичьих усадеб, самоотверженно защищая их от «белогвардейских банд» [7. С. 20–21]. Вместе с тем автор приводит большой объем информации по организации реставрационных работ, охране и изучению археологических памятников, созданию единой государственной сети музеев. Значительная заслуга автора заключается в приведении статистических данных о количестве поступивших в процессе национализации ценностей, о количестве отреставрированных зданий, посещаемости музеев Москвы и Петрограда.

В этом же сборнике помещена статья О.В. Ионовой о создании сети краеведческих музеев в первые годы советской власти [8]. В ней она указывает на большое влияние, которое оказала советская власть на провинциальные, или местные, музеи, чтобы они стали подлинно краеведческими, придерживались определенных принципов при своей организации и перестали наполняться случайными вещами. Она, так же как и В.К. Гарданов, высоко оценивает роль советского государства в превращении музеев из закрытых собраний, «какими они были до революции, в доступные населению политико-просветительные учреждения» [8. С. 39]. Автор вводит в научный оборот ценный массив сведений об организации секций, подотделов и губернских коллегий во Владимире, Вологде, Вятке, Воронеже, Пензе, Орле, Курске, Муроме, Иркутске, Казани и некоторых других городах и тем самым выводит исследование памятникоохранительной деятельности в первые десятилетия советской власти на локальный уровень. Так, опираясь на хранящийся в архиве ГИМ Протокол заседания коллегии СибкраяОНО по состоянию музейного дела на 1928 г., относительно г. Томска О.В. ИONOва сообщает, что «с восстановлением Советской власти в Томске при Губнаробразе 17 декабря 1919 г. был организован подотдел искусств, где была учреждена

секция охраны памятников с музейной подсекцией» [8. С. 41], что не вполне согласуется с другими документами.

Ситуация с изучением памятникоохранительной деятельности начинает меняться в 1970-е гг., что отчетливо демонстрирует объемная статья Д.А. Равикович, в которой рассматривается деятельность советских органов по охране памятников за 50 лет [9]. Автор раскрывает отношение социалистического общества к памятникам культуры, и прежде всего архитектуры и археологии, как к всеобщему достоянию народа, но наряду с этим отмечает и сложности, возникавшие на пути их использования в деле строительства социализма и коммунизма. По мнению автора, к началу 1920-х гг. в стране уже сложилась целостная система органов по охране памятников. Автор рассматривает неоднократные изменения, которые произошли с системой в последующие годы и дает высокую оценку вклада В.И. Ленина в дело охраны памятников. В работе отмечается высокая роль краеведческих организаций в развитии этого направления. Вместе с тем автор признает, что ликвидация музейного отдела при Главнауке стала важным рубежом в изменении отношения к сохранению памятников, определяемого отныне их значением в воспитании общества на идеалах коммунизма.

С 1980-х гг. в связи с ориентацией общественного сознания на углублённое и детальное постижение отечественной истории, вызванное проводимыми реформами и корректировкой исследовательской парадигмы относительно местной / локальной истории, произошла активизация краеведения, музейного дела, работ по выявлению и охране памятников, возрос и научный интерес к указанным сферам деятельности. Деидеологизация, расширение источникового ресурса определили основные тенденции в изучении в 1980-е и 1990-е гг. советской памятникоохранительной системы, включая и ее начальный период, что в общих чертах согласуется с общей ситуацией в истории изучения музейного дела – появлением первых публикаций в 1960–1980-е гг. [10. С. 4].

В целом активизировавшиеся на рубеже XX–XXI вв. исследования по теме охраны памятников в 1920-е гг. тематически можно разделить на несколько групп.

Первая группа исследований посвящена анализу законодательной базы в области сохранения памятников искусства и старины. Так, в работе Ю.Н. Жукова анализируется значительный корпус законодательных актов и реконструируются процессы законотворчества, касающиеся охраны памятников [11]. А.В. Богуславский подробно анализирует историю разработки и принятия лишь одного декрета – от 5 октября 1918 г. [12]. Практические шаги, ставшие следствием реализации законодательных актов, и обоснование их масштабы и эффективности приведены в работах Ю.Г. Галая [13, 14] и Г.А. Кузиной [15]. М.Ф. Гаврилова рассматривает систему государственного контроля и координации деятельности в сфере охраны памятников истории и культуры в период 1917 – начала 1920-х гг. и оценивает ее как базис для дальнейшего развития мероприятий и законодательства Советской России [16].

Ю.Н. Жуков выделяет два этапа в развитии советского права на пути к юридическому закреплению положения о том, что объекты культурного

наследия являются общенародным достоянием. Согласно его точке зрения на первом этапе не было детально разработанных законов, направленных непосредственно на охрану историко-культурного наследия. Основным источником советского права с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. в данной области являлись разнообразные юридические акты. В этот период в документах советской власти еще не используется термин «памятник искусства и старины», а применяются самые разнообразные, не устоявшиеся формулировки: «художественные и исторические ценности», «художественные сокровища», «художественное имущество». Именно такая расплывчатая терминология позволяла обезопасить наибольшее количество памятников. Ю.Н. Жуков отмечает необычайно короткие сроки, за которые удалось заложить «принципиальную основу законодательства, направленного на последовательное превращение всего комплекса историко-культурного наследия в достояние государства». [11. С. 112]. Новый этап развития советского законодательства в области обеспечения сохранности историко-культурного наследия, по мнению автора, начался с осени 1918 г. и характеризовался принятием СНК, отдельными ведомствами различных юридических актов, которые развивали уже сложившиеся принципы, дополняли и уточняли отдельные положения, устанавливали нормы наиболее точной реализации изданных декретов [11. С. 128].

Т.М. Никольская в своей статье рассматривает историю развития законодательства, разработки проектов и охранных мер применительно к культурному наследию в России начиная с Петра I и до Первой мировой войны [17]. Автор определяет эффективность некоторых федеральных законов, действующих и в настоящее время. По ее мнению, государственная политика по обеспечению сохранности объектов культурного наследия будет эффективна только в случае признания приоритетности сохранения историко-культурного потенциала как одного из главных социально-экономических ресурсов существования и развития народов Российской Федерации и только при комплексном подходе. Исследовательница особо останавливается на факторах, оказывающих разрушающее влияние на объекты архитектурного наследия.

В центре внимания оказывается и рефлексия по поводу самой категории «памятник культуры». Рассматривая административные меры по сохранению культурного наследия, Н.А. Личак отмечает, что ни декреты, ни иные законодательные акты 1918–1921 гг., направленные на обеспечение сохранности, использования историко-культурного наследия, не установили ни сущности понятия «памятник», ни конкретных форм регистрации [18. С. 22]. Автор указывает на особенности восприятия памятников и отношения к ним в период с 1925 по 1928 г.: перестройка памятников, приспособление их под хозяйственные нужды, продажа предметов старины оправдывались необходимостью получения ресурсов для социалистического строительства [18. С. 24–25]. О двойственном отношении к памятникам в первые годы советской власти пишет и Е.Г. Лопатина [19]. Она указывает, что практиковалось разделение памятников на «идеологически вредные», подлежащие уничтожению, и памятники, олицетворяющие новую власть и, соответственно, требовавшие сохранения.

Вторая группа исследовательских работ задана тематикой, затрагивающей проблемы сохранения отдельных видов памятников. Так, И.В. Белозерова освещает работу по учету недвижимых историко-культурных объектов, анализируя документы из фондов Отдела письменных источников Государственного исторического музея – одного из наиболее полных собраний указанных документов [20]. Основное внимание автора уделено работе по выявлению и регистрации зданий-памятников Москвы. Автор описывает планы по созданию Единого национального фонда художественно-исторических сооружений, главная цель которого заключалась в выявлении, учете и принятии своевременных мер по охране памятников независимо от того, кому они принадлежали – учреждениям, обществам или частным лицам. Совершая исторический экскурс, автор отмечает, что задачи, стоявшие перед органами по охране памятников, постоянно менялись в зависимости от изменения обстановки в стране. Первоочередной задачей советской власти в начальный период было выявление всего круга культурных ценностей, представлявших исторический или художественный интерес, и стремление сохранить их от исчезновения и уничтожения в условиях дестабилизации и хозяйственной разрухи. Затем перед органами охраны встали новые задачи по систематизации, изучению и отбору наиболее ценных, уникальных памятников. С изменением задач происходило и изменение форм учета, от простой регистрации к детальному изучению каждого объекта. Автором впервые предпринята попытка классификации памятников культуры по категориям: памятники общегосударственного значения, большого местного значения и местного значения.

С начала 2000-х гг. выходят в свет работы, в которых авторы поднимают проблемы сохранения памятников церковной старины. Среди них статья Е.Ф. Фурсовой, в которой приведены факты о закрытии властями церквей в рамках отдельно взятого города – Новосибирска [21], статья Н.А. Личак, в которой автор рассматривает сходные процессы на примере Иваново-Вознесенской губернии [22], и статья Л.В. Порватовой, в которой анализируются идеологические установки советской власти и их влияние на церковную собственность [23]. В частности, указывается, что с принятия декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» в январе 1918 г. начинается активный процесс отчуждения храмов и церковной собственности в пользу государства. В инструкции к этому декрету подчеркивалось, что все ценности, имеющие художественное значение, должны переходить в ведомство Наркомпроса, где необходимо проводить их атрибуцию [22. С. 84]. Выявляется неоднозначная тенденция для исследуемого периода – борьба различных взглядов на сохранение храмовой архитектуры: с одной стороны, стремление государства прекратить существование религиозных памятников, с другой – стремление общественности сохранить их для потомков в качестве объектов культурного наследия. В последнем случае памятники сохранялись только при условии их переоборудования под склады, гаражи, овощехранилища и другие хозяйственные объекты [22. С. 88].

Специфике сохранения объектов археологического наследия в разные периоды советской власти посвящена статья Л.П. Ермоленко. Она отмечает, что в целом первые декреты советской власти сохранили, национализирова-

ли и приостановили вывоз за границу памятников искусства и старины, но в то же время провозглашавшиеся принципы охраны национального достояния были далеки от их реального воплощения. Так, в первые годы советской власти из-за пробелов в законодательстве охрана и исследование памятников археологии не велись должным образом, поскольку в декрете от 5 октября 1918 г. отсутствовали статьи, регламентирующие принятие мер по охране и содержанию археологических памятников. Этот пробел частично был закрыт лишь декретом «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» и изданной в его развитие инструкцией 1924 г. Они имели огромное значение, так как устанавливали принципы и порядок охраны памятников археологии в новых условиях, подводили юридическую основу под эту деятельность. Но в действительности положения декрета и инструкции 1924 г. на местах не исполнялись. К концу 1928 г. вопросы о сохранности археологических памятников стали решаться в партийно-административных и хозяйственных кругах. Мнения ученых-историков и археологов игнорировались. Далее Л.П. Ермоленко рассматривает законодательство и деятельность государства по охране археологического наследия вплоть до 1948 г. [24].

Третья группа исследований характеризуется обращением к памятникоохранительным практикам, которые, как правило, рассматриваются эпизодически, в контексте истории развития музейной сети в 1920-е гг. К числу немногих исключений принадлежит статья В.Ф. Козлова, в которой деятельность государства по охране памятников в первые годы советской власти стала предметом специального изучения [25]. Автор дает ей неоднозначную оценку, указывает на то, что после Октябрьской революции 1917 г. большинство памятников было отчуждено от своих владельцев и потеряло присущие им первоначальные функции, что приводило к искажениям, переделкам, а иногда и сносу зданий. При этом автор учитывает и идеологический аспект, превращавший памятник в символ враждебного класса, а также низкий образовательный уровень не только народа, но и советских руководителей, имевших чрезвычайно обширные права на местах. Автор указывает на недостаточную степень репрезентативности источниковой базы предпринятых ранее исследований, что, по его мнению, привело к необъективному или одностороннему освещению проблем отношения к памятникам. Внося свой вклад в решение проблемы с источниками, В.Ф. Козлов дает обзор фондов, в которых можно почерпнуть информацию по охране памятников, монастырских комплексов в Москве и других регионах РСФСР, о ремонтно-реставрационных работах, переписке административно хозяйственного содержания и другой информации, так или иначе затрагивающей деятельность по охране памятников.

Ряд исследователей выявляет узловые события в процессе становления памятникоохранительной деятельности на локальном уровне, обращает внимание на проявление в регионах как специфических, так и общих черт. На европейской части России не обойденными вниманием оказались территории Орловской, Тверской, Владимирской, Рязанской губерний, Крыма.

Так, применительно к Орловскому краю Е.Е. Савешникова сообщает, что одним из первых губернских памятникоохранительных органов стала комиссия по охране памятников искусства и художественных ценностей,

образованная 6 марта 1918 г. Автор отмечает, что Орловская губерния была насыщена знаменитыми дворянскими гнездами, богатыми коллекциями предметов старины и искусства, что требовало значительных сил по сохранению этого наследия, поскольку многие имения уничтожались и подвергались разграблению [26].

Согласно исследованию Н.А. Личак, посвященному проблеме охраны памятников и охватывающему Верхнее Поволжье, Владимирский комитет по охране памятников старины и искусства был создан в мае 1918 г. по предложению И.Э. Грабаря, посетившего город. Первоначальная программа комитета, предполагавшая в основном реорганизацию городского музея, была пересмотрена. Отвечая за судьбу всех памятников истории и культуры в губернии, комитет решил прежде всего создать надежную сеть уездных органов охраны. Столь же действенные меры предпринимались и по отношению к частным художественно-историческим собраниям [27. С. 30]. В Ярославле, городе с богатым наследием памятников древнерусского искусства, в 1918 г. музейный отдел Народного комиссариата просвещения организовал местную ярославскую реставрационную комиссию.

В Твери губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины был создан 28 декабря 1918 г. Здесь мероприятия по охране памятников и музейного имущества проводились лишь частично и в большинстве случаев заключались в составлении описей имущества, подлежащего ремонту и учету. Органы охраны памятников Ярославля и Владимира, в отличие от Твери, имели возможность начать восстановительные работы самостоятельно, располагая специалистами и имея в своих бюджетах необходимое количество денежных средств [27. С. 33–34].

Из приведенных выше сведений по губерниям, находившимся недалеко от столицы, видно, что влияние на организацию памятникоохранительной деятельности оказывали не столько территориальное расположение губернии и её «насыщенность» объектами наследия, сколько наличие подготовленных специалистов.

Истоки советской памятникоохранительной деятельности на территории Рязанской губернии осветила М.В. Сёмина. Рязань входила в тройку губерний (наряду с Владимирской и Орловской), где заработали первые губернские отделы по охране памятников искусства и библиотек. Здесь губернский отдел по делам музеев, охране памятников искусства и библиотек был создан 3 марта 1918 г. [28. С. 151]. О.М. Молоткова отметила неоднозначное отношение к культурным ценностям со стороны отдельных слоев населения и органов, призванных их защищать и сохранять. С одной стороны, многие ценности подвергались вандализму: «...солдаты книгами и рукописями топили печи, а в картины учились стрелять в цель: в глаз, в нос, в рот» [29. С. 324]. С другой стороны, ценности, находившиеся в дворянских усадьбах, которых на территории Рязанского края было множество, активно вывозились в Москву. Некоторые владельцы усадеб сами передавали свои библиотеки и коллекции органам по охране памятников, чтобы сохранить их. Во многие бывшие дворянские усадьбы представители губмузея вовсе не допускались, так как эти памятники находились в ведении различных учреждений [29. С. 324]. Таким образом, можно сделать вывод, что территориальная близость к Москве

не всегда играла положительную роль в сохранении наследия региона. Вместо оказания методической помощи в организации работ по охране памятников на территории губернии дело сводилось к вывозу ценностей в центр.

Охрану культурных памятников на территории Тамбовской губернии в рассматриваемый период специально исследовала Е.А. Горскова. Она показала, что первыми шагами в деле сохранения памятников истории культуры здесь стал сбор сведений об имевшихся художественных ценностях, библиотеках и книгах в бывших помещичьих усадьбах. Работа шла с марта 1919 г. Учет и обследование архитектурных памятников на местах производились уездными музеями. Ставили на учет и памятники церковной архитектуры. Ремонтно-реставрационные работы памятников не производились за отсутствием средств. С 1925–1926 гг. была произведена ликвидация церквей и монастырей. Сооружения религиозного культа стали использоваться другими учреждениями [30. С. 362]. В целом данная ситуация с отсутствием средств на реставрацию и приспособление памятников церковного зодчества под хозяйственные нужды характерна для всей страны.

Рост музейной сети в Крыму в 1920-е гг. отметила У.К. Мусаева. По мнению исследовательницы, данная ситуация была обусловлена тем, что многие дворцы, усадьбы, церкви объявляли себя музеями с целью обеспечения охраны от разграбления богатейших коллекций произведений живописи, скульптуры, декоративного искусства и мебели, принадлежавших бывшим хозяевам дворцов и усадеб, а также имущества православной церкви. В ходе проведенного исследования установлено, что значительная утрата коллекций в этом регионе происходила в 1921–1922 гг. На этот период приходится пик официально разрешенных продаж и вывоза предметов искусства за границу, осуществлявшихся непосредственно государственными органами советской власти [31. С. 39].

В Западной Сибири, где окончательное установление советской власти произошло позже, чем в Центральной России, планомерные работы по созданию органов по охране памятников начались с некоторым запозданием. Охрана памятников была организована через отделы народного образования, подчинявшиеся Сибревкому.

Исследовательский интерес к проблеме охраны памятников обнаруживается здесь, хотя и в косвенной форме, с 1970-х гг. В 1974 г. издается обобщающий труд П.Д. Муратова, посвященный художественной жизни Сибири 1920-х гг. [32]. В нем воссоздается история становления и развития художественных обществ, секций ИЗО в Омске, Красноярске, Новосибирске, Томске, причастных к мероприятиям по охране памятников культуры. В работе содержатся сведения и о томской секции ИЗО, которая тесно сотрудничала с органами по охране памятников, так как в обеих организациях работали художники, хорошо знакомые друг с другом. Сведения позволяют расширить представление о работе органов по охране памятников.

Первой научной работой, посвященной рассматриваемой проблеме, стала статья А.М. Кулемзина «Формирование системы государственного руководства охраной памятников в Западной Сибири в первые годы советской власти», опубликованная в 1994 г. [33]. В ней автор обращается к Западно-Сибирскому региону в целом. Несколько позже, в 1999 г., он же публикует

учебное издание, в котором рассматривается охрана памятников в России и как примеры – реализация охранной деятельности на местах, в том числе Томске, Омске, Тюмени. Автор приводит многочисленные фактические сведения о деятельности по охране памятников культуры и приходит к выводу, что в Западной Сибири местные постановления принимались, как правило, на основании правительственных, но с некоторым запозданием. Устанавливается, что основные мероприятия были направлены не на реставрацию и использование памятников в научных и культурно-просветительных целях, а на прекращение уничтожения памятников. При этом подчеркивается, что памятникоохранительная инициатива общественности не всегда находила поддержку в государственных органах. В целом ситуация, сложившаяся в период формирования советской системы охраны памятников, оказывала отрицательное влияние на состояние памятникоохранительной деятельности и в последующие годы. [34. С. 90–96].

В 2014 г. вышло учебное пособие Т.И. Ширко «Органы управления культурой в Западной Сибири (конец XIX – начало XXI вв.)», освещающее вопросы их формирования. Наряду с другими органами есть упоминание и об органах по охране памятников, которые в данном пособии трактуются как специальные органы по управлению музейным делом на местах [35. С. 41].

Е.И. Красильникова в своей статье отмечает важное место, которое занимали музеи в системе охраны памятников в Западной Сибири с середины 1920-х гг. Автор указывает на их деятельность, направленную в основном на сохранение церквей, а также на выявление и маркирование памятных мест, связанных с революционными событиями. Отмечается, что на рубеже 1920–1930-х гг. попытки музейных работников защитить памятники дореволюционной истории чаще всего пресекались местными властями [36].

О.Н. Свиридовская традиционно рассматривает деятельность по охране культурного наследия в Сибири в контексте музейной деятельности, но привносит новый исследовательский сюжет – роль Русского географического общества. Согласно ее исследованию в Алтайском, Восточно-Сибирском, Западно-Сибирском отделах РГО были организованы комиссии по охране памятников истории, старины и природы. В Иркутске Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО) совместно с музеем зарегистрировали 62 памятника архитектуры и 26 неолитических стоянок. Совместная работа по охране памятников велась также с музеями Барнаула, Иркутска, а вот в Омске сложилась иная ситуация.

Конфликт, возникший между Западно-Сибирским отделом Русского географического общества (ЗСОРГО) и Омским краевым музеем после изъятия музея из ведения отдела в 1923 г. серьезно мешал развитию памятникоохранительной деятельности в обоих учреждениях. Так как в Омске на тот момент при губнаrobразе не было подотдела по делам музеев и охране памятников, на музей были возложены функции специально уполномоченного органа по охране памятников. В нем, так же как и при ЗСОРГО, была организована памятникоохранительная комиссия. Однако на практике ее деятельность свелась лишь к подготовке еще одного постановления губисполкома о мерах по охране памятников старины и природы. Конкретных шагов по выявлению, учету и сохранению недвижимых памятников музейной ко-

миссией не предпринималось. На это имелись и объективные причины – отсутствие финансирования, незначительный штат сотрудников музея, перегруженных музейной работой. Противостояние, естественно, не способствовало развитию дела охраны памятников. К 1926 г. памятникоохранительная комиссия при ЗСОРГО прекратила свое существование [37].

На примере ситуации в Омске автор выявила факторы, тормозившие работу по охране памятников и имевшие универсальный для всей страны характер, – проблемы с финансированием и кадрами. Кроме того, отсутствие в первое десятилетие советской власти четкого разграничения обязанностей и часто возникавший параллелизм в работе различных структур, противодействие этим структурам со стороны организаций, в чьем ведении находились объекты культурного наследия, зачастую негативно сказывались на работе системы, что приводило к частичному или полному уничтожению памятников.

Применительно к Алтайскому региону Т.В. Тишкина определяет отправную точку в процессе памятникоохранительной деятельности: после ликвидации восстановления советской власти постановлением отдела народного образования при Алтайском губернском революционном комитете от 27 декабря 1919 г. была образована музейная секция [38].

Изданий, содержащих сведения о деятельности томских органов по охране памятников, немного. Первые упоминания о них опубликованы в 1927 г. и принадлежат М.Б. Шатилову [39]. В статье «Исторический очерк и обзор Томского краевого музея: 1922 г. – 18 марта 1926 г.» он упоминает о комиссии по выявлению культурных ценностей, секции по охране памятников искусства и старины при губнаробразе, но точной даты их создания не сообщает. Автор приводит сведения о преобразовании секции в подотдел в мае 1920 г. и подотдела – в губернский комитет по охране памятников искусства и старины (Губмузей) с 1 января 1922 г., хотя на самом деле преобразование секции в подотдел произошло в августе 1920 г., а подотдела в Губмузей – с 1 июля 1921 г. [39. Т. 1. С. 6]. Эти неточности в датировках, вероятно, были вызваны тем, что М.Б. Шатилов писал статью, не опираясь на документы, по памяти и через несколько лет после описываемых событий.

В целом в 1920-е гг., в период деятельности первых административных органов по охране памятников культуры в Томске, публикации о них практически отсутствуют. Созданные органы лишь упоминаются, а об их деятельности речь идет лишь применительно к умершим сотрудникам, в частности А.Л. Шиловскому [40]. Ситуация не меняется в последующие десятилетия. Так, А.М. Прибыткова публикует некролог о сотруднике секции охраны памятников искусства и старины – архитекторе Б.Н. Засыпкине [41]. Его основной научный интерес распространялся на Среднюю Азию. К сожалению, в статье нет упоминаний о деятельности Б.Н. Засыпкина в Томске.

Рубежными в деле изучения музейного дела в Томской области, и прежде всего истории Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова, стали 1990-е гг. В связи с оживлением краеведения усиливается внимание к изучению локальной проблематики, вследствие чего актуализируется и тематика, связанная с историей и деятельностью краевед-

ческих музеев. В краеведческих исследованиях содержатся и крупницы сведений по рассматриваемой проблеме. В частности, в статье Н.Я. Сергеевой, вышедшей в 1994 г., можно почерпнуть краткую информацию, сводящуюся главным образом к упоминанию томских органов по охране памятников [42].

В 1995 г. выходит статья И.В. Октябрьской и Т.А. Асташкиной, посвященная истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея [43]. Авторы упоминают об одном из направлений деятельности подотдела по делам музеев, охраны памятников искусства и старины – зарисовках городской архитектуры. Сами зарисовки авторы трактуют как ценный источник этнографической информации, хотя в структуре подотдела этнографическое направление не выделялось, а зарисовками занимался архитектурный подотдел, выявлявший памятники, ценные с точки зрения прежде всего архитектурных особенностей.

Со стороны томских ученых в 1990-е гг. пробуждается интерес к биографиям сотрудников, работавших в системе по охране памятников. Рядом исследователей в 1995 г. публикуется статья, посвященная многогранной деятельности по изучению Сибири И.М. Мягкова, возглавлявшего направление охраны археологических памятников [44].

С.Е. Григорьева, занимаясь изучением истории Томского областного краеведческого музея, в одной из своих статей приводит данные о времени организации подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины [45. С. 137–138]. Поскольку основной интерес автора направлен на исследование деятельности музея, то указанный административный орган не стал специальным объектом ее изучения.

Впервые на местном уровне проблема охраны памятников культуры как самостоятельная заявлена в изданной в 1999 г. развернутой статье Н.Л. Сеньюковой и Я.А. Яковлева [46] – на тот момент сотрудниками Томского краеведческого музея. В ней впервые рассматриваются томские административные органы по охране памятников культуры. В работе предлагается периодизация становления организационной структуры органов по охране памятников, приводится весьма обширный, но, к сожалению, слабо систематизированный по периодам материал об их деятельности. Более подробно раскрыто археологическое направление в работе, архитектурное, просветительское и музейное направления практически не затронуты.

В статье Л.Ю. Исаевой, опубликованной в 2012 г., предметом специального рассмотрения стал один из органов по охране культурного наследия [47]. Речь идет о секции по делам музеев и охране памятников искусства и старины – одном из первых органов по охране памятников культуры в Томске. Автор подробно описывает направления работы и указывает конкретные хронологические рамки деятельности секции.

Из вышеизложенного следует, что в настоящее время не существует работ, которые в полной мере отражали бы организационную и содержательную часть памятникоохранительной деятельности органов советской власти в Томске в 1920-е гг. Исследователи чаще всего отражали в своих работах сюжеты, касавшиеся отдельных эпизодов в организации музейного дела, художественной жизни города и биографий сотрудников, непосредственно не останавливаясь на вопросах охраны наследия. Указанная тема требует спе-

циального изучения, так как большинство работ освещают охрану памятников исключительно через деятельность музея, хотя его создание являлось результатом деятельности органов по охране памятников.

Итак, рефлексия по поводу становления советской системы охраны памятников культуры начинается практически параллельно с самим процессом становления, с 1919 г. В 1920-е гг. творческая интеллигенция поднимает вопросы, актуальные и в современности, — о необходимости сохранения культурного наследия как основы для социальных трансформаций, о необходимости выработки государственной политики в этой сфере, о содержательном поле понятия «памятник культуры», о связи памятникоохранительной деятельности с музейной. В 1930–1960-е гг. формируется парадигма культурного наследия как общенародного достояния, и в ее рамках тенденциозно, с опорой на официальную советскую идеологию, исследуется деятельность по охране памятников культуры. С 1970-х гг. ощущается необходимость отхода от идеологизации исследовательского процесса, расширения источниковой базы исторических реконструкций применительно к периоду становления советской системы по охране памятников культуры. Активная смена исследовательских подходов происходит в 1980–1990-е гг., намечаются три возобладавших направления исследований — разработка советской законодательной базы в сфере охраны культурного наследия, специфика охранной деятельности по отношению к разным видам памятников и исторические реконструкции самого процесса становления в советское время памятникоохранительной деятельности. При этом в осуществляемых реконструкциях преобладает локальный уровень. Не составляет исключения и Западно-Сибирский регион. Выявлены опорные даты формирования памятникоохранительной системы, факторы объективного и субъективного порядка, влиявшие на процесс её формирования, вскрыта присущая ему специфика, показана неоднозначность подхода к осмыслению категории «памятник культуры» в общественном мнении и у государственных органов. Следует подчеркнуть, что изучение указанных исследовательских сюжетов ведется преимущественно в русле изучения музейной сети регионов. Специализированные исследования пока немногочисленны.

Литература

1. *Грабарь И.Э.* Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины. М., 1919. 32 с.
2. *Шмит Ф.И.* Исторические, этнографические, художественные музеи: Очерк истории и теории музейного дела / под ред. Д. Г. Панадиани. Харьков, 1919. 104 с.
3. *Эфрос А.М.* Музейное строительство в Советской России // Советская культура: Итоги и перспективы. М., 1924. С. 465–491.
4. *Миллер А.А.* К вопросу об охране памятников старины // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 4–5. С. 22–51.
5. *Левинсон Н.Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6. С. 52–66.
6. *Оснос Ю.А.* Октябрьская революция и памятники художественной культуры // Искусство. 1940. № 6. С. 62–66.
7. *Гарданов В.К.* Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти // История музейного дела в СССР: сб. ст. М., 1957. Вып. 1. С. 7–36.
8. *Ионова О.В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти // История музейного дела в СССР: сб. ст. М., 1957. Вып. 1. С. 37–72.

9. *Равикович Д.А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917–1967 гг. // Труды НИИ музейоведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 3–127.
10. *Лозовая Л.А.* История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук, Томск, 2013. 24 с.
11. *Жуков Ю.Н.* Разработка правовых норм в области охраны историко-культурного наследия // Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 М., 1989. С. 111–140.
12. *Богуславский А.В.* Из истории советского законодательства об охране памятников (Декрет 5 октября 1918 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. С.-Петерб. гос. ун-т. 1987. № 5. С. 87–93.
13. *Галай Ю.Г.* Правовая охрана памятников в первые годы советской власти // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990. С. 178–188.
14. *Галай Ю.Г.* Правовая эффективность первых советских декретов по охране памятников истории и культуры // Нижегородские юридические записки. Н. Новгород, 1997. Вып. 3. С. 10–12.
15. *Кузина Г.А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 112–129.
16. *Гаврилова М.Ф.* Формирование правовой основы в области охраны культурного наследия в первые годы Советской власти // Вестн. КазГУКИ. 2013. № 4, ч. 1. С. 32–35.
17. *Никольская Т.М.* Охрана памятников искусства. История и перспективы развития // Аналитика культурологии. Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. 2010. № 17. С. 112–119.
18. *Личак Н.А.* Административные меры по сохранению культурного наследия в Советской России в 1920-х гг. // Вестн. гос. Ярослав. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2011. № 3 (17). С. 22–28.
19. *Лопатина Е.Г.* Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 – середине 1930-х годов // Научные проблемы гуманитарных исследований. Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. 2011. № 4. С. 24–25.
20. *Белозерова И.В.* Из истории учета культурных ценностей в первые годы советской власти. 1918–1921 г. // Музейное дело и охрана памятников. М., 1987. С. 55–68.
21. *Фурсова Е.Ф.* Закрытие православных церквей в городе Новосибирске в 1920–1930-е гг. // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 169–171.
22. *Личак Н.А.* Разрушение памятников церковного зодчества Ивано-Вознесенской губернии в 1920–1930-х гг. // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманит. науки. 2010. № 2. С. 83–91.
23. *Порватова Л.В.* Особенности взаимоотношений государства и церкви в период становления советской власти // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 1. С. 132–134.
24. *Ермоленко Л.П.* Государственная политика в сфере охраны культурного наследия в первой половине XX в // Власть. 2011. № 11. С. 156–159.
25. *Козлов В.Ф.* Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917–1930 гг. (по материалам московских архивов и музеев) // Музейное дело и охрана памятников. М., 1987. С. 40–54.
26. *Свешикова Е.Е.* Из истории формирования музейной сети в Орловской губернии в 1917–1920 гг. // Вопросы музеологии. С.-Петерб. гос. ун-т. 2011. № 1. С. 88–93.
27. *Личак Н.А.* Охрана памятников истории и культуры в Верхнем Поволжье в начале 1920-х годов // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 28–34.
28. *Сёмина М.В.* Рязанский музей в 1920-е гг // Вестн. ПСТГУ. Сер. 5 : Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. № 3 (6). С. 149–166.
29. *Молоткова О.М.* Организация уездных музеев в Рязанской губернии в послереволюционное десятилетие // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. 2012. № 4 (108). С. 323–328.
30. *Горскова Е.А.* Деятельность губернских органов власти по охране культурного наследия Тамбовской губернии с 1920 по 1926 гг. // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. 2012. № 9. С. 362–367.
31. *Мусаева У.К.* Музейное строительство в Крымской АССР в 1920–1940 гг. : формы и методы руководства и организации музейной работы в Крыму // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 36–44.
32. *Муратов П.Д.* Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. Л. : Художник, РСФСР, 1974. 141 с.
33. *Кулемзин А.М.* Формирование системы государственного руководства охраной памятников в Западной Сибири в первые годы советской власти // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк, 1994. С. 193–205.

34. Кулемзин А.М. Охрана памятников в России. Томск : Изд. МУ «Томск исторический», 1999. 159 с.
35. Ширко Т.И. Органы управления культурой в Западной Сибири (конец XIX– начало XXI вв.) : учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 93 с.
36. Красильникова Е.И. Деятельность музеев, направленная на охрану памятников в городах Западной Сибири (1920 – первая половина 1941 г.) // Вопросы музеологии. С.-Петербург. гос. ун-т. 2015. № 1 (11) С. 65–75.
37. Свиридовская О.Н. Роль сибирских музеев в охране культурного наследия в 1920-е гг. // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе : материалы Всерос. науч. конф., Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002. С. 169–172.
38. Тишкина Т.В. Музеи Алтая в 1920-е гг. // Изв. АлтГУ. 2013. № 4 (80). С. 229–234.
39. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея: 1922 г. – 18 марта 1926 г. // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
40. Мягков И.М. Художник-архитектор А.Л. Шиловский (некролог) // Тр. Том. краевед. музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 208–210.
41. Прибыткова А.М. Б.Н. Засыпкин (некролог) // Архитектурное наследство. М., 1957. Вып. 8. С. 189–190.
42. Сергеева Н.Я. Из истории Томского краеведческого музея // Тр. ТГОИАМ. Т. 7. Томск, 1994. С. 6–18.
43. Октябрьская И.В. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии / И.В. Октябрьская, Т.А. Асташкина // Тр. ТГОИАМ. Т. 8. Томск, 1995. С. 75–103.
44. Галкина Т.В. И.М. Мягков как исследователь Сибири / Т.В. Галкина, Л.А. Чиндина, Н.В. Лукина, Е.Я. Горюхин // Труды ТГОИАМ. Т. 8. Томск, 1995. С. 165–182.
45. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 1 (13). С. 137–140.
46. Сеньюкова Н.Л. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919–1924 гг. / Н.Л. Сеньюкова, Я.А. Яковлев // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 120–145.
47. Исаева Л.Ю. Секция по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Томске // Томские музеи. Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск, 2012. С. 180–185.

Dontsova Anna A. Tomsk State University (Toms, Russian Federation).

E-mail: sova347@yandex.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017. № 27. pp. 99–117.

DOI: 10.17223/22220836/27/10

THE STATE PROTECTION OF MONUMENTS IN THE 1920th: TO HISTORY OF STUDYING

Key words: formation of the Soviet system of protection of monuments, degree of study of a problem, regional specifics, Tomsk province.

The aim of the article is to study the scientific reflection on the formation the protection of cultural monuments system in the early years of Soviet power. The problems of identification, study, preservation of cultural heritage objects and their state protection are especially actualized during periods of social upheaval and transformation, since they are closely connected with the rethinking of socially significant values. The database for the consisted of 47 publications, mostly of a research nature, which have been written from 1919 to 2015, which deal with the problem of the formation the protection of monuments system in the early years of Soviet power.

The article defines the main vectors of research published in different historical periods, reveals the key dates, publications and trends characteristic of the process.

The period of the 1920s is characterized as the time for posing problems that have not lost their relevance at the present time: the interpretation of the cultural heritage as the basis for social transformations, the need for elaborating state policy in this sphere, the meaning of the term "cultural monument", the association between cultural monuments protection and museum activity. The period of 1930-1960-ies is revealed in the context of the prevailing tendencies - the research of the cultural monuments protection activity exclusively within the framework of the paradigm of cultural heritage as a public property based on the official Soviet ideology. The departure from these trends in the 1970s and the active change of the research vector in the 1980-1990s have been proved.

Three directions of modern research that took shape at the turn of the 20th and 21st centuries were singled out and characterized. The first concerns the development of the Soviet legislative framework in the field of cultural heritage protection. For the second direction, it is characteristic to study the specifics of protection activity in relation to different types of monuments. The third direction consists in the historical reconstruction of the process the monumental protection activity formation. The dominance of the local level of historical reconstructions is underlined.

The materials concerning the territory of Tomsk province are considered in more detail. It is concluded that there are currently no works on Tomsk province that would fully reflect the organizational and content part of the monumental activities in the 1920s. Researchers most often address their issues of individual episodes in the organization of the museum business, the artistic life of the city and the biographies of the staff, without directly stopping at the problems of cultural heritage protection. This topic requires special study.

It is necessary to clarify the chronological framework for the reorganization of the administrative structure, a more detailed coverage of the conditions for the functioning of the monuments protection bodies, their activities and the results, since they reflect the specific historical experience realized in the conditions of the change and formation of a new social system.

References

1. Grabar, I.E. (1919) *Dlya chego nado okhranyat' i sobirat' sokrovishcha iskusstva i stariny* [Why it is necessary to protect and collect the treasures of art and antiquity]. Moscow: I.N. Kushnerev i K.
2. Shmit, F.I. (1919) *Istoricheskie, etnograficheskie, khudozhestvennye muzei: Ocherk istorii i teorii muzeynogo dela* [Historical, ethnographic, and art museums: An outline of history and theory of museum business]. Kharkov: Soyuz.
3. Efros, A.M. (1924) *Muzeynoe stroitel'stvo v Sovetskoy Rossii* [Museum building in Soviet Russia]. In: Borisov, S. & Tugendkhold, Ya. (eds) (1924) *Sovetskaya kul'tura: Itogi i perspektivy* [Soviet Culture: Results and Prospects]. Moscow: Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK. pp. 465–491.
4. Miller, A.A. (1931) *K voprosu ob okhrane pamyatnikov stariny* [On protection of ancient monuments]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*. 4–5. pp. 22–51.
5. Levinson, N.R. (1932) *Okhrana vnemuzeynykh pamyatnikov* [Protection of monuments outside the museum]. *Sovetskiy muzey*. 6. pp. 52–66.
6. Osnos, Yu.A. (1940) *Oktyabr'skaya revolyutsiya i pamyatniki khudozhestvennoy kul'tury* [October Revolution and monuments of artistic culture]. *Iskusstvo*. 6. pp. 62–66.
7. Gardanov, V.K. (1957) *Muzeynoe stroitel'stvo i okhrana pamyatnikov kul'tury v pervye gody Sovetskoy vlasti* [Museum building and protection of cultural monuments in the first years of Soviet power]. In: Gardanov, V.K. et al. *Istoriya muzeynogo dela v SSSR* [History Of Museum in The USSR]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noy literatury. pp. 7–36.
8. Ionova, O.V. (1957) *Sozdanie seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desyat' let Sovetskoy vlasti* [Creation of a network of local lore museums of the RSFSR in the first ten years of Soviet power]. In: Gardanov, V.K. et al. *Istoriya muzeynogo dela v SSSR* [History Of Museum in The USSR]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noy literatury. pp. 37–72.
9. Ravikovich, D.A. (1970) *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v RSFSR 1917–1967 gg.* [Protection of historical and cultural monuments in the RSFSR in 1917–1967]. *Trudy NII muzevedeniya i okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury*. 22. pp. 3–127.
10. Lozovaya, L.A. (2013) *Istoriya izucheniya muzeynogo dela Zapadnoy Sibiri pervogo posle-revolutsionnogo desyatiletiya (1920-e – nachalo 1990-kh gg.)* [The studies of the museum business of Western Siberia of the first post-revolutionary decade (the 1920s – early 1990s)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
11. Zhukov, Yu.N. (1989) *Stanovlenie i deyatelnost' sovetskikh organov okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury, 1917–1920* [Formation and activity of the Soviet bodies protecting the monuments of history and culture, 1917–1920]. Moscow: Nauka. pp. 111–140.
12. Boguslavskiy, A.V. (1987) *Iz istorii sovetskogo zakonodatel'stva ob okhrane pamyatnikov (Dekret 5 oktyabrya 1918 g.)* [From the history of Soviet legislation on the protection of monuments (Decree of October 5, 1918)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy*. 5. pp. 87–93.
13. Galay, Yu.G. (1990) [Legal protection of monuments in the first years of Soviet power]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ya* [Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region]. Proc. of the Conference. Gorkiy. pp. 178–188. (In Russian).

14. Galay, Yu.G. (1997) Pravovaya effektivnost' pervykh sovetskikh dekretov po okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury [Legal effectiveness of the first Soviet decrees on the protection of historical and cultural monuments]. *Nizhegorodskie yuridicheskie zapiski*. 3. pp. 10–12.
15. Kuzina, G.A. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. [State policy in the field of museum business in 1917–1941]. In: Razgon, A. et al. *Muzy i vlast'* [Museum and Power]. Part 1. Moscow: Research Institute of Culture. pp. 112–129.
16. Gavrilova, M.F. (2013) Formirovaniye pravovoy osnovy v oblasti okhrany kul'turnogo naslediya v pervye gody Sovetskoy vlasti [Formation of a legal basis in the field of cultural heritage protection in the first years of Soviet power]. *Vestn. KazGUKI*. 4(1). pp. 32–35.
17. Nikolskaya, T.M. (2010) Okhrana pamyatnikov iskusstva. Istoriya i perspektivy razvitiya [Protection of art monuments. History and development prospects]. *Analitika kul'turologii*. 17. pp. 112–119.
18. Lichak, N.A. (2011) Administrative Measures for Keeping Cultural Heritage in Soviet Russia in 1920s. *Vestn. gos. Yaroslav. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki*. 3(17). pp. 22–28. (In Russian).
19. Lopatina, E.G. (2011) Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1917 – seredine 1930-kh godov [State policy in the field of protection of historical and cultural monuments in 1917 – mid-1930s]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. Institut regional'nykh problem rossiyskoy gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze*. 4. pp. 24–25.
20. Belozerovala, I.V. (1987) Iz istorii ucheta kul'turnykh tsennostey v pervye gody sovetskoy vlasti. 1918–1921 g. [From the history of accounting of cultural values in the early years of Soviet power. 1918–1921]. In: *Muzeynoye delo i okhrana pamyatnikov* [Museum Business and Protection of Monuments]. Moscow. pp. 55–68.
21. Fursova, E.F. (2001) Zakrytie pravoslavnykh tserkvey v gorode Novosibirske v 1920–1930-e gg. [Closure of Orthodox churches in the city of Novosibirsk in the 1920–1930s]. In: Bepalikov, A.A. & Lamin, V.A. (ed.) *Novosibirskaya oblast' v kontekste rossiyskoy istorii* [Novosibirsk Region in the Context of Russian History]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 169–171.
22. Lichak, N.A. (2010) Razrusheniye pamyatnikov tserkovnogo zodchestva Ivano-Voznesenskoy gubernii v 1920–1930-kh gg. [Destruction of monuments of church architecture of Ivano-Voznesenskaya Province in the 1920–1930s]. *Izv. Tul. gos. un-ta. Gumanit. nauki*. 2. pp. 83–91.
23. Porvatova, L.V. (2010) Osobennosti vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v period stanovleniya sovetskoy vlasti [Peculiarities of the relationship between the state and the church in the period of the Soviet power formation]. *Vestn. Mosk. un-ta MVD Rossii*. 1. pp. 132–134.
24. Ermolenko, L.P. (2011) Gosudarstvennaya politika v sfere okhrany kul'turnogo naslediya v pervoy polovine XX v [State policy in the field of cultural heritage protection in the first half of the twentieth century]. *Vlast'*. 11. pp. 156–159.
25. Kozlov, V.F. (1987) Istochniki ob otnoshenii k istoricheskim pamyatnikam v RSFSR v 1917–1930 gg. (po materialam moskovskikh arkhivov i muzeev) [On the attitude to historical monuments in the RSFSR in 1917–1930 (based on the materials of the Moscow archives and museums)]. In: *Muzeynoye delo i okhrana pamyatnikov* [Museum Business and Protection of Monuments]. Moscow. pp. 40–54.
26. Sveshnikova, E.E. (2011) Iz istorii formirovaniya muzeynoy seti v Orlovskoy gubernii v 1917–1920 gg. [From the history of the formation of the museum network in Orel Province in 1917–1920]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1. pp. 88–93.
27. Lichak, N.A. (2009) Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Verkhnem Povolzh'e v nachale 1920-kh godov [Protection of historical and cultural monuments in the Upper Volga region in the early 1920s]. *Izv. RGPU im. A.I. Gertsena*. 97. pp. 28–34.
28. Semina, M.V. (2011) Ryazanskii muzey v 1920-e gg [The Ryazan Museum in the 1920s]. *Vestn. PSTGU. Ser. 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva – St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 3(6). pp. 149–166.
29. Molotkova, O.M. (2012) Organization of district museums in Ryazan province in post-revolutionary decade. *Vestn. Tambov. gos. un-ta – Tambov University Reports*. 4(108). pp. 323–328. (In Russian).
30. Gorskova, E.A. (2012) Activities of provincial authorities for protection of cultural heritage of Tambov province in the 1920–1926s. *Vestn. Tambov. gos. un-ta – Tambov University Reports*. 9. pp. 362–367. (In Russian).
31. Musaeva, U.K. (2014) Muzeynoye stroitel'stvo v Krymskoy ASSR v 1920–1940 gg.: formy i metody rukovodstva i organizatsii muzeynoy raboty v Krymu [Museum building in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920–1940: Forms and methods of leadership and organization of museum work in the Crimea]. *Vestn. LGU im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 3. pp. 36–44.

32. Muratov, P.D. (1974) *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-kh godov* [The Artistic Life of Siberia in the 1920s]. Leningrad: Khudozhnik.
33. Kulemzin, A.M. (1994) Formirovanie sistemy gosudarstvennogo rukovodstva okhrany pamyatnikov v Zapadnoy Sibiri v pervye gody sovetskoy vlasti [Formation of the state management system of the protection of monuments in Western Siberia in the first years of Soviet power]. *Kuznetskaya starina*. 2. pp. 193–205.
34. Kulemzin, A.M. (1999) *Okhrana pamyatnikov v Rossii* [Protection of Monuments in Russia]. Tomsk: Tomsk istoricheskii.
35. Shirko, T.I. (2014) *Organy upravleniya kul'turoy v Zapadnoy Sibiri (konets XIX–nachalo XXI vv.)* [The Organs of Cultural Management in Western Siberia (the late 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Krasilnikova, E.I. (2015) Deyatel'nost' muzeev, napravlennaya na okhranu pamyatnikov v gorodakh Zapadnoy Sibiri (1920 – pervaya polovina 1941 g.) [The activities of museums aimed at protecting monuments in the cities of Western Siberia (the 1920 – early 1941s)]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1(11) pp. 65–75.
37. Sviridovskaya, O.N. (2002) [The role of Siberian museums in the protection of cultural heritage in the 1920s]. *Muзейnye fondy i ekspozitsii v nauchno-obrazovatel'nom protsesse* [Museum Funds and Expositions in the Scientific and Educational Process]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk. March 18–20, 2002. Tomsk. pp. 169–172. (In Russian).
38. Tishkina, T.V. (2013) Altai Museums in the 1920s. *Izv. AltGU – Altai State University Journal*. 4(80). pp. 229–234. (In Russian).
39. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskii ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya: 1922 g. – 18 marta 1926 g. [Historical essay and review of the Tomsk Regional Museum: 1922 – March 18, 1926]. *Tr. Tom. obl. kraeved. muzeya*. 1. pp. 1–37.
40. Myagkov, I.M. (1927) Khudozhnik-arkhitekt A.L. Shilovskiy (nekrolog) [The artist-architect A.L. Shilovsky (obituary)]. *Tr. tom. kraeved. muzeya*. 1. pp. 208–210.
41. Pribytkova, A.M. (1957) B.N. Zasyepkin (nekrolog) [B.N. Zasyepkin (obituary)]. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 8. pp. 189–190.
42. Sergeeva, N.Ya. (1994) Iz istorii Tomskogo kraevedcheskogo muzeya [From the history of the Tomsk Local Lore Museum]. *Tr. TGOIAM*. 7. pp. 6–18.
43. Oktyabrskaya, I.V. & Astashkina, T.A. (1995) Iz istorii formirovaniya etnograficheskikh fondov Tomskogo kraevedcheskogo muzeya: kolleksii i personalii [From the history of the formation of the ethnographic collections of the Tomsk Local Lore Museum: Collections and personalities]. *Trudy TGOIAM*. 8. pp. 75–103.
44. Galkina, T.V., Chindina, L.A., Lukina, N.V. & Goryukhin, E.Ya. (1995) I.M. Myagkov kak issledovatel' Sibiri [I.M. Myagkov as an explorer of Siberia]. *Trudy TGOIAM*. 8. pp. 165–182.
45. Grigoreva, S.E. (2011) Osnovanie i otkrytie Tomskogo kraevedcheskogo muzeya [Foundation and opening of the Tomsk Local Lore Museum]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(13). pp. 137–140.
46. Senyukova, N.L. & Yakovlev, Ya.A. (1999) Ob okhrane istoriko-kul'turnogo naslediya v Tomskoy gubernii v 1919–1924 gg. [On the protection of historical and cultural heritage in the Tomsk province in 1919–1924]. *Kuznetskaya starina*. 4. pp. 120–145.
47. Isaeva, L.Yu. (2012) Sektsiya po delam muzeev i okhrane pamyatnikov iskusstva i stariny v Tomске [Section on museum affairs and protection of art and antiquities in Tomsk]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E. I. (eds) *Tomskie muzei. Kraevedcheskiy muzey im. M.B. Shatilova. Munitsipal'nye muzei. Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"* [Tomsk Museums. M.B. Shatilov Local Lore Museum. Municipal museums. Materials for the encyclopedia "Museums of Tomsk Region"]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 180–185.